

Переоценка близости

Значение Украины для России по-прежнему сильно завышено. Пора признать это несоответствие и произвести давно назревшую переоценку.

Драматичный уход американцев из Афганистана сподвиг некоторых в России заговорить о том, что США перестали быть сверхдержавой и со временем Вашингтон также бросит и Украину. Отсюда делается вывод, что на Днестре для Москвы не все потеряно и близок час, когда оставленная американцами за ненадобностью Украина вернется в сферу геополитического притяжения России.

Споры о роли США уведут нас слишком далеко от темы этого текста, а вот утверждение о неизбежности «афганского» будущего для Украины заслуживает внимания.

Оно может оказаться дезориентирующим – тем более, что ложится на уже сформировавшиеся неверные представления.

Аксиомы привлекательности

Подход Российской Федерации к отношениям с Украиной традиционно исходит из того, что соседняя страна – это чрезвычайно привлекательный актив. Во-первых, указывается на то, что Украина – часть исторического ядра Русского государства, а ее столица Киев – «мать городов русских». Во-вторых, утверждается, что русские и украинцы – один народ, который оказался разделенным в результате антироссийской политики киевских властей.

В-третьих, отмечается, что Украина занимает исключительно важное стратегическое положение между Россией и странами НАТО. В-четвертых, говорится о том, что Украина обладает мощным демографическим, экономическим, научным и культурным потенциалом, который, соединившись с российским, может помочь России стать мировым центром силы.

Соответственно, в уходе или отрыве Украины от Российской Федерации видят расщепление ядра исторической России, от чего РФ становится неполной Россией. Это также нарушает единство русского народа и русской православной цивилизации, превращает прочный буфер на юго-западном направлении в удобный плацдарм для нанесения внешним противником удара в самое сердце России, лишает Россию шансов стать мировым экономическим тяжеловесом.

Эти аргументы в разной трактовке постоянно присутствуют в российской политической риторике, начиная с Майдана 2014 года или даже оранжевой революции 2004–2005 годов. Более того, они, по-видимому, лежат в основе многих решений, принимавшихся в последнее время. По сути, их принимают на веру и сторонники, и некоторые противники нынешнего российского курса в отношении Украины. Между тем, все перечисленные аргументы несостоятельны.

От близости до важности

Прежде всего, Российская Федерация – полноценная Россия, самодостаточное государство, которое не нуждается в дальнейшем территориальном расширении, особенно в сторону Украины. Россия стала единой державой задолго до того, как царь Алексей Михайлович принял под свою высокую руку казаков Богдана Хмельницкого. Само это «воссоединение» 1654 года мало повлияло на международное положение Русского царства.

Вопреки часто цитируемому и принимаемому за аксиому высказыванию Збигнева Бжезинского о том, что без Украины Россия перестает быть империей, Россия стала империей не в результате присоединения Киева и других земель по обоим берегам Днепра и осталась мировой величиной, несмотря на провозглашение Украиной независимости.

Уникально устойчивая геополитическая позиция России – результат освоения Сибири и выхода к Тихому океану. Ядро современной России находится в пределах нынешней Российской Федерации. Именно это ядро, включающее не только чисто русские в этническом отношении области, но и Поволжье, оставалось единым во всех катаклизмах, через которые проходила страна, включая революцию и гражданскую войну начала XX века и распад СССР.

Тысячелетняя непрерывная история российской государственности включает и киевский период, но колыбелью государственности и

местом, откуда берет начало первая правящая династия, по праву считается Новгород. Что касается акта Крещения, то христианство пришло на Русь из Константинополя, а не из Киева. Кто где крестился, не имеет мистического значения. Если угодно, можно считать, что поворотное событие – крещение князя Владимира с дружиной – произошло в крымском Херсонесе.

Теперь о народе. Русские в Российской Федерации составляют основу российской политической нации, сплочение которой – важнейшее условие внутренней устойчивости общества и государства. На Украине проживает много людей, по крови и духу близких русским и вообще россиянам. Но надо учитывать и то, что само население Украины в культурном и религиозном отношении неоднородно. Галиция с Волынью и Донбасс с Новороссией исповедуют во многом разные, иногда прямо противоположные ценности. Процесс формирования украинской политической нации идет непросто, и пока что единого украинского народа нет.

Интеграция возможна и даже желательна, но не на индивидуальном уровне, а не на увеличившейся территориальной основе

Таким образом, тезис о воссоединении русского народа, будто бы разделенного российско-украинской границей, оказывается ловушкой. Если даже гипотетически допустить включение в состав расширившейся российской нации основной массы украинского населения – такого, какое оно действительно есть сегодня, через 30 лет после распада СССР и через семь лет после Майдана, а не такого, какое существует в наших воспоминаниях и представлениях – то это расширение будет скорее расшатывать единство россиян, чем укрепит его. Интеграция возможна и даже желательна, но на индивидуальном уровне, а не на увеличившейся территориальной основе.

Значение стратегического положения Украины для интересов безопасности России тоже очевидно преувеличено. Нынешняя реальность сильно отличается от той, что была в XX веке. Взаимное ядерное сдерживание, высокоточное оружие с глобальной дальностью действия, изменение геополитического расклада сил и структуры основных противоречий в мире делают широкомасштабный военный конфликт в Европе маловероятным. Война здесь, к сожалению, все еще возможна, но скорее как результат непредвиденной эскалации конфликта или не остановленной

вовремя серии инцидентов между вооруженными силами.

В последнее время в России стали реже ссылаться на мантру об опасности вступления Украины в НАТО, но ее место занял призрак превращения Киева в союзника США вне НАТО. Тем не менее, устойчивая ситуация ядерного сдерживания и дальнейшее развитие российских стратегических вооружений гарантированно исключают то, что Вашингтон может приобрести значимые стратегические преимущества перед Россией в результате возможного, хотя и маловероятного размещения американских баз на территории Украины. Вашингтон продолжает вооружать Киев, но перспектива военного столкновения с Россией из-за Украины, где интересы США ограничены, заставляет американских политиков действовать осторожно.

В начале 2010-х годов экономический и демографический потенциал Украины был важным аргументом в пользу того, чтобы привлечь Киев к проекту Евразийского союза. Москва тогда планировала создать экономический блок с населением около 200 млн человек. Другой важной целью российской политики было сохранение считавшихся неразрывными военно-технических и военно-экономических связей, оставшихся со времен Советского Союза.

С тех пор российской оборонной промышленности удалось заместить военный импорт из Украины. Что же касается пресловутых 200 млн человек, то население современной Украины существенно сократилось с почти 50 млн, проживавших в СССР на момент распада Союза. Сейчас его оценочная численность – около 35 млн, что примерно соответствует населению Узбекистана. Сегодня для России более осмысленным и перспективным делом было бы развивать экономические связи в юго-восточном, а не юго-западном направлении.

Формат приращения

Если принять во внимание эти аргументы, то коррекция российского подхода к отношениям с Украиной могла бы выглядеть так.

Украина – сосед, который уже никогда не станет снова братской республикой. Интеграционную перспективу необходимо окончательно отправить в исторический архив и заменить перспективой отношений соседства.

Это, надо признать, тоже перспектива неблизкая. Чтобы она

реализовалась, необходимо появление в Киеве руководства, способного наладить прагматичные отношения с Москвой. Подобное изменение настроений на Украине если и произойдет, то очень нескоро. В то же время географические, экономические и политические обстоятельства не позволяют полностью исключить этот вариант.

Россия, следовательно, ни в коем случае не должна предаваться мечтаниям о том, что она когда-то вновь прирастет Украиной или хотя бы ее юго-восточными областями. Даже обсуждающийся иногда раздел Украины то ли по Днепру, то ли по линии западной границы СССР 1938 года не только невероятно без огромных потрясений и сопряженных с ними опасностей, но и невыгоден России.

На гипотетическую переделку «российской» части Украины потребовались бы колоссальные средства. Не стоит забывать, что перевоспитание украинских националистов в свое время оказалось не по под силу идеологам из ВКП(б)-КПСС и специалистам из НКВД-МГБ-КГБ СССР. Опыт последних трех десятилетий не оставляет сомнений, что, получив при гипотетическом воссоединении масштабную российскую помощь, Украина вместо благодарности вновь отвернется от России.

Вместо собирания земель – исторически успешной политической программы на территории нынешней РФ – Москве стоит обратить внимание на собирание людей. Речь не идет о механической раздаче российских паспортов тем, кто хотел бы иметь возможность с их помощью пересекать границы и получать пенсии: этот проект уже осуществляется в неподконтрольном Киеву Донбассе. Москве имеет смысл действовать стратегически, делая переезд на работу и жительство в Россию привлекательным для русскоязычных граждан Украины и других стран бывшего СССР, прежде всего специалистов.

Это реальный путь формирования одного народа – на территории России. Вместо того, чтобы на окраинах бывшей империи формировать группы людей с российским гражданством, которые становились бы опорой местных пророссийских политических сил, стоит укреплять демографический и профессиональный потенциал самой России. Тогда и отношения с соседями могут развиваться более удовлетворительно с точки зрения интересов РФ.

Переход к соседству

В России в последнее время верно почувствовали, что вопросы, связанные с Украиной, стали менее приоритетными для руководства стран Запада. Собственно, в Америке и Европе постсоветская Украина никогда не рассматривалась как особо ценный политический, военный или экономический актив.

Действия администрации Барака Обамы в 2014 году объяснялись, по-видимому, главным образом стремлением воспрепятствовать участию Украины в инициированном Москвой Евразийском союзе. ЕС, со своей стороны, с помощью программы Восточного партнерства стремился создать комфортное для себя предполье на российском направлении. И это практически все.

*Смысл украинского
политического проекта
– в отстранении,
отмежевании от России*

Семь с половиной лет спустя у западных стран не появилось стремления не только интегрировать Украину в европейские и атлантические институты, но и серьезно инвестировать в украинскую экономику. Политики в Европе и США хоть и продолжают риторически поддерживать украинскую позицию по Донбассу или участвовать в Крымской платформе, но почти не скрывают свою усталость от Украины и ее проблем. В Москве на этом фоне некоторые считают, что снижение интереса Запада к Украине открывает возможности для России. Это глубокое заблуждение.

Смысл украинского политического проекта – в отстранении, отмежевании от России. В предельно лапидарной форме этот тезис был изложен в названии известной книги Леонида Кучмы: «Украина – не Россия». Это дистанцирование может принимать разные формы: откровенные и brutальные, как сейчас, или скрытые и лицемерно-иждивенческие, как это было во времена Кучмы и Януковича. Но суть остается неизменной.

И от этого проекта украинская политическая элита и ее правящая верхушка не откажутся в ходе любых своих возможных ротаций. Они так и останутся духовными наследниками Ивана Мазепы. Независимость Украины в их глазах – это независимость от России.

Нужно видеть и более неприятную для России правду. Украинская

правлящая элита опирается на активное меньшинство, ориентирующееся на западные ценности, и на пассивное большинство, которое живет по принципу «моя хата с краю» и сосредоточено в основном на ценностях конкретных и преимущественно материальных. Ни у «русской весны» в 2014 году за пределами Крыма и лишь отчасти Донбасса, ни у Русского мира в последующие годы серьезных шансов на Украине не было.

Отсутствие широкой общественной реакции на законы, полностью свернувшие образование на русском языке и жестко ограничившие доступ к русской культуре, свидетельствуют о тщетности надежд на пророссийский майдан. Но это не главное.

Главное для России – в том, что для реализации важнейших российских национальных интересов в таких сферах, как государственная идентичность, национальная сплоченность, безопасность, экономическое развитие, Украина России не нужна. Более того, резкий разворот майданной Украины от России существенно облегчил финансовое бремя РФ. Протяни Янукович у власти еще полгода, \$3 млрд невозвратных российских кредитов превратились бы в обещанные президентом Путиным \$15 млрд.

Всего же, по словам самого Путина, дотирование Украины Россией за первые два десятилетия после распада СССР достигло \$82 млрд. Прямая иллюстрация слов президента Бориса Ельцина, призывавшего чиновников спрашивать себя каждый день, что каждый из них сегодня сделал для Украины. В конечном счете, как видно, эти дела вылились в чистые потери огромного масштаба.

Несмотря на все это, значение Украины для России не столько в общественном сознании, сколько в представлении элит по-прежнему сильно завышено. Пора признать это несоответствие, а признав, произвести давно назревшую переоценку этого значения.

Такой вывод не означает, что Украину можно игнорировать. Как раз наоборот.

– Украина сейчас настроена в отношении России более враждебно, чем любое другое государство в мире. Степень не только готовности, но и способности Киева предпринимать недружественные акции в отношении Москвы ни в коем случае не стоит преуменьшать. Сложившееся под влияние российской госпропаганды презрительно-издевательское отношение к современному украинскому государству чревато неприятными сюрпризами.

– Сдерживая позывы Киева решить силовым путем проблему Донбасса, России необходимо в любом случае избежать широкомасштабной войны с Украиной. Такой конфликт стал бы катастрофой и трагедией для миллионов людей. Ничто не сможет это оправдать.

– Продолжая придерживаться Минских соглашений и диалога, главным образом с Германией и Францией, в рамках Нормандского формата, нужно отдавать себе отчет, что для Киева эти соглашения – символ военного поражения и дипломатической капитуляции и что Украина выполнять их не сможет и не будет. Максимум возможного – это поддержание устойчивого перемирия в Донбассе, исключающего новые жертвы на линии соприкосновения.

– В условиях отсутствия официального диалога есть смысл поддерживать контакты и общаться с немногочисленными умеренными группами и деятелями на Украине, имея в виду, что в долгосрочной перспективе может появиться возможность начать процесс нормализации российско-украинских отношений.

– Концепцию Русского мира – по Арнольду Тойнби, русской православной цивилизации – необходимо переосмыслить и проводить на Украине с упором на культурные и языковые аспекты, выведя за скобки или, по крайней мере, минимизировав геополитическую составляющую. Аудитория культурного Русского мира на Украине имеется и сохранится на обозримую перспективу. Взаимодействовать с ней поверх воздвигнутых в последние годы барьеров необходимо.

– Считая нынешнюю Украину иностранным государством, не стоит проецировать настоящее в прошлое и тем самым исключать историю Украины до 1991 года из общерусской истории. Малороссы внесли неоценимый вклад в государственное строительство, экономику, науку и культуру дореволюционной России, украинцы – в развитие страны в XX веке.

– Наконец, современную Украину нужно внимательно и серьезно изучать, чтобы заменить мифологизированные представления о бывшей советской республике реальным знанием предмета и адекватным пониманием того, как устроена и функционирует соседняя крупная страна. Жить вместе с украинцами уже не получится – и об этом не стоит жалеть. Жить рядом – придется.

Данная статья впервые вышла на сайте Carnegie.RU и публикуется с разрешения правообладателя

*Статья подготовлена в рамках проекта, реализуемого при поддержке
Посольства Дании в России.*

Дмитрий Тренин
Москва

Дмитрий Тренин – директор Московского Центра Карнеги и один из ведущих российских экспертов по вопросам внешней политики.